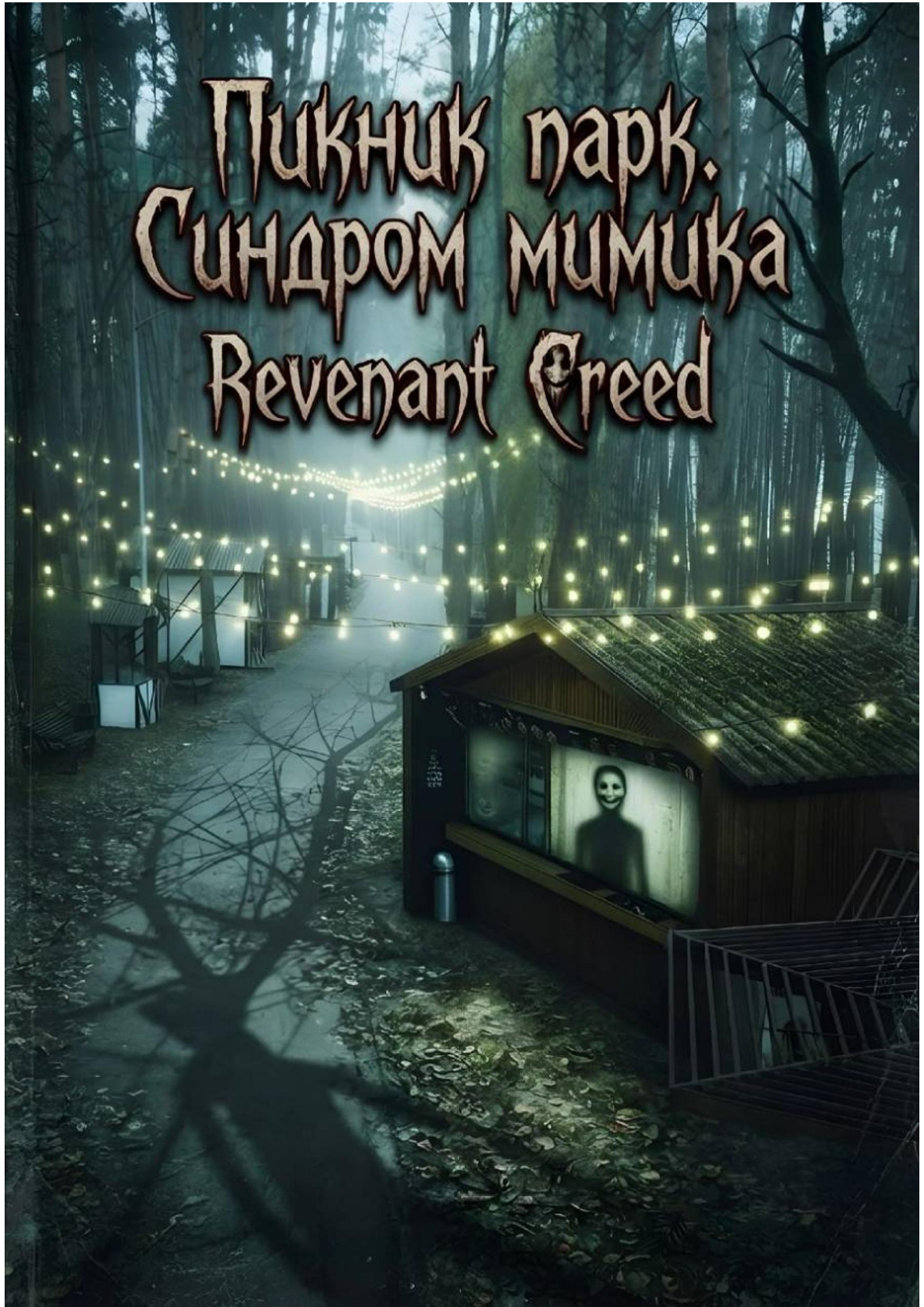

Пикник напк. Синдром мумика Revenant Creed

Revenant Creed

Пикник Парк. Синдром мимика

«Автор»

2026

Creed R.

Пикник Парк. Синдром мимика / R. Creed — «Автор», 2026

Что, если парк, в котором ты катался тысячу раз, вдруг станет ловушкой? Восемнадцатилетний Виктор приезжает в «Пикник парк», чтобы убежать от боли после расставания. Но обратной дороги нет. Тропы меняются каждую минуту. Люди вокруг — не люди. А когда темнеет, они перестают притворяться. Он не знает правил. У него нет оружия. Только велосипед и желание выжить. Это история о страхе, одиночестве и о том, как привычный мир может сломаться в одну секунду.

© Creed R., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Revenant Creed

Пикник Парк. Синдром мимика

Пролог

Год назад. Поздняя осень.

Дом стоял на самом берегу. Двухэтажный, с верандой, выкрашенной в белый. Из окон второго этажа была видна река — широкая, спокойная, с медленным течением. А за рекой, на том берегу, темнел лес. Пикник Парк. Место, куда люди ездили отдыхать. Жарить шашлыки. Кататься на велосипедах. Смеяться.

Сейчас там было тихо. Только ветер гнал по воде рябь.

В гостиной работал телевизор. Старенький, с толстым экраном. Он стоял в углу, на тумбе, и мерцал синеватым светом. На экране — женщина-диктор. Строгая, в тёмном костюме. Она говорила ровным, отстранённым голосом, каким обычно сообщают новости, которые не касаются тебя лично.

«...продолжаются поиски пропавшей девушки. Александре Ковалёвой семнадцать лет. Она ушла из дома два дня назад и не вернулась...»

На экране появилась фотография. Молодая девушка. Тёмные волосы, собранные в хвост. Серые глаза. Спокойные. Она улыбалась уголками губ. Едва заметно. Как будто знала что-то, чего не знали другие.

«...в последний раз её видели у главного входа в Пикник Парк. Если у вас есть информация о её местонахождении, пожалуйста, сообщите...»

Женщина на диване не смотрела на экран. Она смотрела в стену. Прямо перед собой. Глаза красные. Сухие. Она уже выплакала всё, что могла. Теперь осталась только пустота.

Рядом с ней сидел мужчина. Пожилой. Седой. Он держал её за руку. Крепко. Как будто боялся, что если отпустит — она исчезнет тоже. Как дочь.

— Саша, — прошептала женщина. — Сашенька...

Мужчина ничего не сказал. Только сжал её руку сильнее.

Телевизор продолжал говорить. Диктор перешла к другим новостям. Погода. Курс валют. Что-то про выборы. Но в этом доме никто не слушал. Здесь была своя тишина. Своя боль.

За окном темнело. Река стала тёмной, почти чёрной. А на том берегу, в лесу, зажглись огни. Гирлянды. Тёплые, жёлтые. Они висели между сосен, освещая пустые аллеи. Кто-то забыл их выключить.

Женщина встала. Подошла к окну. Прижалась лбом к холодному стеклу. Посмотрела на тот берег.

— Она там, — сказала она тихо. — Я чувствую. Она там.

Мужчина подошёл. Встал рядом. Обнял за плечи.

— Мы найдём её, — сказал он. — Мы обязательно найдём.

Но в его голосе не было уверенности. Только усталость. И страх.

На экране телевизора снова мелькнула фотография. Александра. Семнадцать лет. Пропала без вести. Последний раз видели у Пикник Парка.

А в лесу, на том берегу, гирлянды продолжали гореть. Ровным, тёплым светом. Как будто ничего не случилось. Как будто всё было хорошо. Но это было не так.

Глава 1

Асфальт шипел под покрышками. Двадцать восемь зубьев кассеты идеально цеплялись за цепь. Кляц. Кляц. Кляц.

Для Виктора этот звук был лучшей медитацией. Ритмичный щелчок шифтера *SRAM* успокаивал лучше любого психолога. Ему было восемнадцать. Весь его мир сейчас состоял из скорости, пульса в висках и белой линии разметки, разрезающей серую ленту дороги. Он убегал от ОГЭ, от вечных упреков матери по поводу «несерьезной профессии», от пустоты съемной однушки на окраине Питера. Велосипед был единственным местом, где он что-то решал.

— Витя, нам нужно расстаться.

Фраза прозвучала вчера. Они сидели на той самой скамейке у мемориала Зимней войне. Мемориал представлял собой гранитную стену с высеченными именами. Алина любила здесь сидеть — говорила, что место напоминает ей о стойкости. Ей было девятнадцать. Она казалась Виктору воплощением взрослой, недоступной жизни.

Виктор перестал крутить педали. Велосипед проехал еще метр по инерции и со скрипом остановился.

— Ты... чего? — голос сел. Внутри всё оборвалось куда-то вниз, к замерзшим пяткам. — Лина, мы же...

— Нам слишком легко вместе, — она смотрела мимо него, на проезжающий электросамокат курьера. На ее лице не было драмы, только холодная усталость. — Это пугает меня. Я чувствую себя функцией. Твоим красивым фоном для тренировок. С тобой весело кататься на велике и пить кофе. Но мне нужен кто-то взрослый. Кто уже сломался и собрался заново. А ты... ты просто летишь вперед, Витя. Тебе даже тормоз жать страшно.

Она встала,правила льняное платье и ушла в сторону метро. Просто развернулась и ушла. Не заплакала, не бросила кольцо. Оставила после себя лишь запах цветочного парфюма, который он подарил ей на прошлый четверг, и пустую обертку от эскимо на мокром асфальте.

Слова били под дых хуже кулака. Функция. Красивый фон. Он просидел на скамейке до темноты, пока фонари не залили аллею мертвенно-желтым светом, делая тени деревьев похожими на рваные дыры в пространстве.

Прошла неделя.

В среду вечером рациональность проиграла отчаянию. Организм требовал дозы эндорфинов, вымывающих кортизол. Виктор выкатил свой карбоновый *Сапуон*. Пункт назначения — всё тот же парк. Назло ему.

Он срезал путь через жилой массив. Выехал на широкую площадку перед главным входом. Асфальт здесь был свежий, с чёрно-белой разметкой по краям. Слева, у самого леса, стояла деревянная касса — приземистый домик с вывеской и маленькой искусственной ёлкой на крыше. Рядом с ней — аккуратные деревянные ограждения и стенд с афишами предстоящих фестивалей барбекю. Чуть дальше, в глубине, виднелось кафе — современное здание с панорамными окнами и широкой летней верандой под белыми зонтами. Справа, у другой стороны площадки, притулилась ещё одна деревянная постройка с надписью «Охрана».

Дорога от главного входа уходила вглубь парка, к сосновой аллее. А если свернуть направо, она выводила к реке — туда, где виднелся мост и слышался шум воды. Где-то там, у самой кромки леса, приткнулась автобусная остановка. Серая, пласти-

ковая, с навесом. На крыше синими буквами светилося: «ПИКНИК ПАРК». Буквы мерцали ровным, немного болезненным светом.

Виктор уже собирался повернуть на главную аллею, как краем глаза уловил знакомый силуэт. Он ударил по тормозам.

На остановке, под навесом, стояла Алина. Она была одна. Смотрела в телефон, слегка наклонив голову. Бежевый тренч, идеальная прическа. Та самая, которую он знал наизусть.

Сердце пропустило удар. Виктор замер, не в силах двинуться с места. Он хотел окликнуть её. Хотел подъехать. Но что-то внутри — то самое, что ещё неделю назад сжалось от её слов — пригвоздило его к асфальту.

И тут он увидел, как к остановке подъезжает машина.

Матовый черный *Porsche Taycan*. Он скользнул к бордюру бесшумно, как хищник. Двери не открылись сразу. Секунду ничего не происходило. Виктор смотрел на тонированные стёкла и чувствовал, как по спине ползёт холодок.

Дверь водителя поднялась вверх — плавно, с мягким гидравлическим шипением, как крыло. Из салона вышел парень. Молодой. Лет двадцати одного, не больше. Дорогая щетина, расслабленная поза, белая футболка под расстёгнутой рубашкой. Он не торопился. Обошёл машину, подошёл к Алине.

Виктор видел всё. Каждую деталь. Как парень улыбнулся — уверенно, чуть снисходительно. Как Алина подняла голову от телефона, и на её лице появилась улыбка, которой Виктор не видел никогда. Как парень протянул руку и убрал прядь волос с её лица. Медленно. Собственнически. Как он наклонился и поцеловал её.

Время загустело, как смола. За те три секунды, пока чужие губы приближались к лицу Алины, Виктор успел вспомнить вкус её кофе по утрам, рисунок вен на её запястье, то, как она морщила нос во сне. Успел мысленно пообещать себе купить билеты в Питер на выходные. Успел простить её. И возненавидеть навсегда. А потом их рты встретились. Глубоко. Долго. Так, как целуют то, что уже давно считают своим. Алина не отстранилась. Она ответила ему взаимно.

Парень открыл ей дверь. Она скользнула внутрь, подобрав полы тренча, и даже не оглянулась.

Дверь опустилась. Машина беззвучно тронулась с места и растворилась в сумерках.

Виктор так и стоял, сжимая руль.

Внутри что-то оборвалось окончательно. Неделя отрицания, попытки убедить себя, что всё можно вернуть — всё рухнуло в одну секунду.

Сначала пришёл стыд. Жгучий, парализующий. Потом — ледяное презрение к себе. А потом — взрыв.

— Стерва! — прошипел он в пустоту. Лицо исказила судорога. — Функция?! Я покажу тебе функцию!

Он рывком бросил велосипед вперёд, сворачивая на главную аллею парка.

Асфальтовая лента понеслась навстречу.

Щелк. Щелк. Щелк.

Пальцы били по манетке. 14-я передача. 16-я. 18-я. Ноги работали как поршни паровой машины.

Он летел по аллее, не разбирая дороги. Слева промелькнула табличка с якорем — «Верёвочный парк». Справа — деревянный домик велопроката, у входа сиротливо жались синие *Stels*. Дальше — спортивная площадка с турниками, пустая и тёмная.

Беседки с мангалами проплывали мимо, как декорации к чужому празднику. Гирлянды, натянутые между сосен, светились тёплым, но каким-то искусственным, пластиковым светом.

Виктор не замечал ничего. Он видел только бегущую навстречу дорогу и лицо Алины в объятиях другого.

Деревья мелькали грязно-зелёными полосами. Ветер выл, пытаясь сбросить его с седла. На спидометре сорок два.

Впереди лежала ветка. Тонкая, коричневая, слившаяся с тенями. Поперёк белой линии.

Переднее колесо поймало её идеально. Удар вилки отозвался в запястьях электрическим разрядом. Руль вырвало. Физика гравитации неумолима: тело продолжило движение по прямой, когда опора ушла вниз.

Удар пришелся плечом. Хрустнула ключица. Тело, следуя закону инерции, продолжило полет над рулем. Мир перевернулся дважды.

Первым асфальт встретил бедро — джинса лопнула с сухим звуком рвущейся бумаги, кожу сорвало мгновенно, обнажив мясо. Затем спину прошило острием ветки, вошедшей меж ребер. Последним, что зафиксировало угасающее сознание, стал запах горелой резины от заблокированного заднего колеса и глубокий, вибрирующий гул пустого радиоэфира в ушах. Темнота пахла озоном и стерильным железом.

Свет пробивался сквозь веки болезненно ярко, дробясь на спектральные полосы. Запах озона усилился, смешиваясь с влажной хвоей. Виктор открыл глаза.

Небо над ним имело густой фиолетовый оттенок. Он дернулся сесть, ожидая вспышку агонии, спазм разорванных мышц, хруста собственных позвонков. Боли не было. Вообще. Только фантомный зуд там, где асфальт должен был снять с него слой мяса.

Он сел. Резко выдохнул. Задрал мокрую от пота футболку. Кожа на пояснице и животе была гладкой, бледной и абсолютно чистой. Никакого песка. Никакой крови. Только идеальная, нетронутая ткань.

Рядом стоял велосипед.

Виктор метнулся к нему, чувствуя, как холодный ужас вытесняет остатки боевого безумия. *Сапуон* стоял прямо. Шины накачаны идеально, ни единого следа торможения юзом. Переключатель показывал восемнадцатую передачу. Грипсы сухие. Ни единой царапины на карбоне. Велосипед выглядел абсолютно новым, пахнущим заводской смазкой, будто его только что вынесли из салона.

Затем он посмотрел на свои руки. Ладони чистые. Локоть без единого следа содранной кожи. Джинсы целые. Футболка — та самая, хлопковая — белоснежная.

Так не бывает. Законы физики не дают сбой ради сохранения гардероба.

Он поднял взгляд.

Вокруг шумел лес. Но шум был неправильным. Слишком плотным, вибрирующим на низких частотах, похожим на работу гигантского трансформатора глубоко под землей. Сосны были выше. Гораздо выше типичного городского бора. Их кроны смыкались где-то в недостижимой высоте, образуя готический свод. Свет солнца падал косыми столбами, но источник находился внизу, подсвечивая мох и корни, отчего тени ложились противоестественно — длинными черными иглами протыкая воздух.

Тишина давила на барабанные перепонки. Давление изменилось — уши заложило, как при быстром спуске в скоростном лифте. Не было слышно сирен скорой помощи. Не было шума проспекта Мориса Тореза. Только глухой, утробный гул.

Паника холодной иглой вошла в основание черепа. Это не больница. Это не рай. Это вообще не то место, откуда он выезжал час назад.

Мозг отказывался принимать мистику. Единственный знакомый объект во вселенной — велосипед. Логика проста: если есть дорога сзади, значит, можно уехать обратно. Выход там же, где и вход.

Нужно домой. Под ледяной душ. Выпить энергетик и попытаться убедить себя, что это кома.

Виктор оседлал байк. Ноги дрожали мелкой, неприятной дрожью, но мышечная память взяла свое. Ступни нашли педали. Пальцы легли на манетки.

Страх парализует разум, но механика спасает жизнь. Нужно включить пониженную передачу.

«Щелк». Звезда клацнула, переводя цепь на самое большое кольцо сзади. Скорость один.

Он начал медленно крутить педали назад. Назад по пустой аллее, которая теперь казалась дном глубокого колодца. Справа, у кромки леса, приткнулась автобусная остановка. Серая, пластиковая. На крыше синими буквами светилося: «ПИКНИК ПАРК». Буквы мерцали ровным, немного болезненным светом, бросая на лицо Виктора мертвенные блики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.